

ИДЕОЛОГИЯ ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ ПАРТИИ США (конец XVIII—начало XIX в.)

В. В. Согрин

В начале 1790-х годов в США вслед за ратификацией федеральной конституции и оформлением центральных органов власти происходит образование национальных политических партий. Выступив сначала в качестве фракций в конгрессе США, эти партии — федералистская и республиканская — вскоре «обзаводятся» организациями в большинстве штатов и сосредоточивают в своих руках функции управления политической жизнью страны. Теперь все процессы и явления американской буржуазной политики — от обсуждения экономических реформ министра финансов А. Гамильтона до выдвижения кандидатов на президентских выборах — оказываются под контролем партий. Партийная история становится отныне важнейшим, а в ряде случаев и главенствующим компонентом политической истории США в целом.

В советской историографии до сих пор нет специальных исследований, посвященных ранним национальным политическим партиям США. Между тем такие исследования, безусловно, способны существенно обогатить и углубить сложившуюся в нашей историографии концепцию исторического развития США в первые десятилетия независимости. В данной статье исследуется один из аспектов истории становления американских национальных партий — эволюция идейных позиций одной из них — федералистской, находившейся у власти с 1789 по 1801 г. и продолжавшей играть активную роль в буржуазной политике до англо-американской войны 1812—1815 гг. уже в качестве политической оппозиции джефферсоновским республиканцам. После ее окончания федералисты сколько-нибудь существенного воздействия на политическое развитие нации уже не оказывали¹.

Анализ мировоззренческих позиций федералистов имеет важное значение не только для понимания характера одной из двух национальных партий США конца XVIII — начала XIX в., но и для исследования содержания основополагающих тенденций

¹ Об этапах и особенностях исторической эволюции буржуазных политических партий США см.: К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США / И. П. Дементьев, А. С. Манькин, Н. В. Сивачев, В. В. Согрин, Е. Ф. Языков. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978, вып. 2, с. 164—205.

³ Американский ежегодник, 1981

американской идейной истории этого периода. Дело в том, что в условиях крайней неразвитости в США в то время буржуазных общественных наук, университетов, всей системы образования и в силу других обстоятельств именно политические деятели и партии выступали в роли «генераторов» тех или иных идеологических конструкций, именно они формировали главные направления в развитии экономической, социальной и политической мысли (не случайно поэтому в известном труде В. Л. Паррингтона «Основные течения американской мысли» в роли идейных героев в рассматриваемый период выступают государственные и политические деятели).

Федералисты явились наследниками идеологии умеренно консервативного крыла Американской революции XVIII в. Заветы «отцов-основателей» США составили тот материал, на основе которого складывались принципы партии, выступавшей в течение четверти века в качестве идейного и политического вождя американских верхов. Как видоизменилась, в каком направлении эволюционировала в 1790—1800-е годы умеренно консервативная идеологическая традиция в США еще один вопрос, который не может не быть вынесен на одно из первых мест при изучении мировоззрения федералистской партии.

В широком плане федералистская партия выражала интересы слоев, зависевших от интенсивного развития внутренних и внешних коммерческих связей: финансовой и торгово-мануфактурной буржуазии Северо-Востока, а также представителей крупнотоварных коммерческих плантаторских и фермерских хозяйств Юга, расположенных на Атлантическом побережье. При этом северо-восточная буржуазия играла в ней ведущую роль, что и предопределило ориентацию партии на активное развитие США по пути торгово-промышленного капитализма. Что же касается социально-политической ориентации федералистов, то они выступали за консервацию буржуазных преобразований, совершенных в предшествующий, революционный период, претендовали с самого начала на роль партии «порядка», сдерживавшей, а не поощрявшей общественные нововведения. Эти экономические и социально-политические параметры партии и стали тем фундаментом, на котором складывалась ее идеология.

Изначально в качестве идейно-политических лидеров федералистской партии выступили умеренно консервативные деятели Американской революции. Среди них в первую очередь необходимо назвать А. Гамильтона, признанного «отца-основателя» партии, и Дж. Адамса. Очень скоро, однако, у руля партии оказалась и плеяда новых политических деятелей, которые с точки зрения интеллектуального багажа могут показаться только тенью Гамильтона и Адамса, но которым принадлежала не меньшая, а в ряде случаев и большая роль в формулировании идейного кредо партии. Тон задавали Ф. Эймс, Дж. Кэбот, Х. Г. Отис, Т. Пикеринг из Массачусетса, Дж. Бэйард из Делавэра, Р. Г. Харпер из Южной Каролины. Идеино-политические лидеры

партии были в своем подавляющем большинстве выходцами из Северо-Восточных штатов, что отражало, хотя далеко не с абсолютной точностью, состав и характер социальной базы партии.

Федералисты считали себя людьми принципов, не приносящими в отличие от республиканцев своих убеждений в угоду вкусам «толпы». Т. Пикеринг на склоне лет с гордостью сообщал одному из адресатов, что, принимая то или иное политическое решение, он никогда «не тратил времени на выяснение популярности своей позиции, а исходил из того, справедлива она или нет (конечно, с точки зрения Пикеринга.— В. С.)»². Дж. Джей, автор непопулярного в народе англо-американского договора 1795 г. (после заключения которого чучела с изображением Джея сжигались на патриотических сходках), с элементом вызова рекламировал пренебрежение к общественным настроениям и бравировал тем, что не опустился до уровня «демагогов», эксплуатировавших «страсти и предрассудки большинства»³.

Эймс видел главное отличие федералистов от джефферсоновских республиканцев именно в том, что первые превыше всего ценили собственные убеждения, а вторые, подобно всякой «якобинской партии», стремились извлечь выгоду из искусной демагогии. В искусном использовании республиканской партией демократической риторики он усматривал основную причину победы Джефферсона на президентских выборах 1800 и 1804 гг. Федералисты, сетовал Эймс, анализируя в 1805 г. итоги вторичной неудачи его партии на президентских выборах, ошибочно полагались в своей деятельности на принципиальные соображения и моральные установки, совершенно не учитывая в то же время психологию рядовых избирателей. Интересно, что Эймс, решительно отказываясь принимать за чистую монету какое-либо требование джефферсоновских республиканцев, исходил, подобно другим федералистам, из того, что демократические идеалы вообще не могут быть искренним убеждением политического деятеля, а являются лишь средством борьбы за влияние на массы⁴.

Поражения на выборах 1800-х годов заставили федералистов задуматься над использованием риторики в качестве средства политической борьбы и включением ее в идеологические арсеналы партии. Д. Уэбстер, размышляя, подобно Эймсу, над уроками президентских выборов начала века, постулировал не совсем привычную для основателей федералистской партии политическую аксиому: «Кажется, Мирабо принадлежит определение слова как реалии. Слова действительно являются реалиями, причем огром-

² *Pickering O., Upham C. W. The Life of Timothy Pickering: Vol. 1—4. Boston, 1867—1873, vol. 4, p. 277.*

³ *The Correspondence and Public Papers of John Jay: Vol. 1—4 / Ed. by P. Johnston. N. Y., 1971, vol. 4, p. 161.*

⁴ *The Works of Fisher Ames: Vol. 1, 2 / Ed. by S. Ames. N. Y., 1969, vol. 2, p. 360, 380.*

ной силы»⁵. В 1800-е годы демократическая фразеология все чаще и чаще стала присутствовать в публичных выступлениях федералистов. Однако тот факт, что в ней видели только способ воздействия на умы избирателей, как и нескрываемая даже в 1800-е годы неприязнь многих видных федералистов к демократии, свидетельствует, что никакого перерождения мировоззренческих основ партии не произошло. Изменилась лишь их экипировка.

Классовая сущность мировоззрения федералистской партии раскрывается наиболее полно и рельефно в ее политической доктрине. Именно политические взгляды федералистов использовались джефферсоновскими республиканцами для обвинения партии Гамильтона и Дж. Адамса в монархических настроениях. Сами федералисты неизменно уличали своих противников в сознательных и грубых передергиваниях их идей. Дж. Адамс с раздражением и нескрываемой обидой писал в 1791 г. Т. Джефферсону: «Если вы полагаете, что я хочу или когда-то хотел установить в США или каком-либо штате правительство, состоящее из короля, лордов, общин, или, иными словами, из наследственного главы исполнительной власти или наследственного сената, то глубоко заблуждаетесь»⁶. Годом раньше в письмах Б. Рашу и С. Адамсу он доказывал, что является «смертельным и непримиримым врагом монархии» и что «все хорошие правительства суть республиканские»⁷. Сам Адамс усматривал причину «незаслуженных» обвинений по его адресу в том, что, хотя его и читали больше, чем кого-либо из других американских мыслителей, тем не менее до сути пропагандируемых им идей так и не дошли.

После триумфа джефферсоновцев на выборах 1800-го года некоторые федералисты, стремясь расширить влияние среди рядовых избирателей, стали утверждать, что между двумя соперничавшими партиями США вообще нет расхождений в отношении к республиканскому строю. Федералист С. Таггарт из Массачусетса, выступая в конце 1802 г. в конгрессе США, поклялся «жить и умереть за республику» и заявил, что члены его партии являются республиканцами в той же мере, как и их соперники⁸.

Однако более авторитетным и в большей степени соответствующим политическому кредо федералистов было недвусмысленное признание Гамильтоном в 1792 г. различий между его партией, с одной стороны, и джефферсоновцами — с другой.

⁵ Цит. по: Fischer D. H. The Revolution of American Conservatism: The Federalist Party in the Era of Jeffersonian Democracy. N. Y., 1965, p. 238.

⁶ The Adams — Jefferson Letters: Vol. 1—2 / Ed. by L. J. Cappon. Chappel Hill. 1959, vol. 1, p. 249.

⁷ The Works of John Adams: Vol. 1—10 / Ed. by Ch. F. Adams. Boston. 1850—1856, vol. 6, p. 415; vol. 9, p. 566.

⁸ Annals of Congress, 8th Congress, 1st Session, p. 731.

в трактовке республиканизма. Объявив «нелепой» саму идею создания «монархической партии» в США, он в то же время обосновал возможность «приверженности теориям, заключающим в себе меньше республиканизма в сравнении с теориями господина Джефферсона и господина Мэдисона»⁹.

Среди федералистов самую консервативную трактовку республиканской доктрины дал Дж. Адамс. Республикой он называл любое государство, в котором носителем суверенной власти, отождествляемой Адамсом часто с законодательной властью, было не одно, а два или более лица, например монарх и представительное собрание. Отсюда вытекает и его парадоксальная, по современным понятиям, концепция типов республиканского устройства — «монархическая республика», «аристократическая республика», «демократическая республика». Адамс был решительным противником демократической республики, в которой законодательная власть во всей полноте была заключена в представительном народном собрании. Наибольшие же симпатии у него вызывала «монархическая республика», где законодательная власть народного собрания ограничивалась единоличным главой (выборным или невыборным) исполнительной власти. Следуя своей классификации, Адамс называл Англию и США в равной степени монархическими республиками¹⁰.

В отличие от Адамса другие видные федералисты главным критерием республиканского строя считали выборность всех государственных лиц. После конституционного конвента 1787 г., на котором А. Гамильтон, Г. Моррис и иные будущие лидеры партии одобряли конституционную монархию английского образца, они ни разу не дали оппонентам видимого повода для обвинений их в антиреспубликанских настроениях. Их модель идеальной республики означала решительный отказ от принципа политической демократии, которая рассматривалась как необязательный атрибут республиканизма.

Под политической демократией федералисты понимали, во-первых, государственное правление, основанное на прямом народном волеизъявлении, и, во-вторых, систему, в которой вся полнота законодательной власти принадлежит представительному собранию. Особо нетерпимым они считали прямое народоправство. Эймс заклеил его еще во время ратификации федеральной конституции: «Единственное, чего народ может достичь без представительства, это уничтожить правительство»¹¹.

Лидеры федералистской партии пронесли эту идею как эстафету на протяжении всего существования своей партии. Дж. Кэбот в письмах единомышленникам Р. Кингу и Т. Пикерингу в 1804 г. объявлял демократию «в ее естественных проявлениях

⁹ The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1—25 / Ed. by H. Syrett. N. Y.: L., 1961—1977, vol. 11, p. 443.

¹⁰ The Political Writings of John Adams / Ed. by G. A. Peak. N. Y., 1954, p. 165.

¹¹ The Works of Fisher Ames, vol. 2, p. 4.

наихудшей формой правительства» и считал систему «управления народом посредством самого народа» просто «нелепостью»¹². Двумя годами раньше, на заседании конгресса, один из авторитетнейших федералистов, Г. Моррис, выказал недоверие способности народа распоряжаться своей судьбой: «Для чего, собственно, мы здесь заседаем? Для того чтобы спасти народ от его опаснейшего врага, каковым является сам народ»¹³. Федералистов не устраивало не только прямое народоправство в целом, но и самые простые и безобидные для «верхов» формы его выражения, например составление избирателями инструкций и наказов для депутатов. Один из ведущих пенсильванских федералистов, Т. Хартли, осудил наказания и инструкции депутатам уже на первой сессии конгресса США в 1789 г.¹⁴

Деятели партии сознавали, что большинство американцев, в том числе избирателей, не разделяют их отрицательного отношения к народовластию. Дж. Кэбот, возражая в 1804 г. плану Т. Пикеринга о выходе штатов Новой Англии из Союза, доказывал, что федералисты не смогут подчинить своему влиянию даже Северо-Восток страны, ибо его жители свыклись с демократическими принципами и никогда не поддержат иные¹⁵. Спустя пять лет лидер нью-йоркских федералистов Дж. Джей сокрушался по поводу чрезмерного демократизма соотечественников в письме пенсильванскому судье Дж. Питерсу: «Слишком многие в нашем штате, так же как и в вашем, являются последователями чистой демократии, не отдавая себе отчета в том, что чистая демократия, подобно чистому рому, ведет к отравлению, влечет за собой тысячи глупостей и ошибок»¹⁶. Признавая факт широкого распространения демократических настроений среди американцев, лидеры федералистов не желали приспособиться к ним, упорно цеплялись за элитарные формулы и предпринимали огромные усилия для того, чтобы скомпрометировать демократические идеалы.

Самый изощренный аргумент в критике федералистами политической демократии состоял в обосновании тезиса, что именно эта форма, а не олигархические принципы является истинным врагом республиканского строя и включает в себе истоки всякой деспотии, в том числе и монархии. Этот тезис призван был утвердить федералистов в роли подлинных ревнителей республиканских устоев, а демократов — в качестве злейших врагов республиканизма.

Федералисты ссылались на примеры из истории античных республик, свидетельствовавшие как те или иные политические

¹² Documents Relating to New England Federalism, 1800—1815 / Ed. by H. Adams. Boston, 1877, p. 347, 363.

¹³ Annals of Congress, 7th Congress, 1st Session, p. 41.

¹⁴ Ibid., 1st Congress, 1st Session, p. 733—734.

¹⁵ Documents Relating to New England Federalism, p. 346—347.

¹⁶ The Correspondence and Public Papers of John Jay, vol. 4, p. 317.

вожди-демагоги использовали завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Так, Дж. Тачер из Массачусетса в выступлении в американском конгрессе в феврале 1789 г. говорил: «Римская республика была разрушена толпой, действовавшей наподобие демократических обществ... Нет ничего проще предположения, что уничтожение свободы является всегда следствием чрезмерных прерогатив исполнительной власти. Я полагаю, что гораздо чаще ее сокрушала демократическая толпа...»¹⁷ Но чаще всего вожди федералистов апеллировали к опыту Великой Французской революции. Ее неожиданные метаморфозы, стремительные переходы от широкого участия в политической деятельности народных масс к утверждению деспотического правления Директории, консулов, а затем и бонапартистского режима должны были служить в глазах американцев живой иллюстрацией к тезису — диктатура вырастает из демократии, является ее оборотной стороной.

Переворот 18 брюмера 1799 г. и провозглашение Бонапарта первым консулом, фактически диктатором, означал, с точки зрения федералистской пропаганды, завершение закономерного перерождения демократической республики, начало которого неизменно связывалось с приходом к власти якобинской партии и Робеспьера, в тиранию. Пожалуй, наиболее полную и впечатляющую по воздействию на обывателей концепцию такого перерождения создал глава южных федералистов Р. Г. Харпер.

События 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. послужили Харперу поводом обратиться с письмом к избирателям его округа: «Вот вам исход знаменитой французской революции, на останках которой... мы видим в конце концов военного диктатора... наделенного властью, неизмеримо большей, в сравнении с той, какой когда-либо пользовались короли Франции». Проследившая путь первого консула к власти, Харпер, конечно же, показал, что Бонапарт на словах действовал от имени масс, что, даже став диктатором, он продолжал «использовать в своих обращениях лозунги Свободы и Равенства и рассуждать не менее рьяно, чем сам Робеспьер, о народном суверенитете»¹⁸.

Идея несовместимости политической демократии с длительным существованием устоев республиканизма служила федералистам своего рода опорой для требований об ограничении тех или иных свобод, завоеванных народом в ходе Американской революции 1776 г. Особенно часто такие требования раздавались в 1790-е годы, отмеченные массовым демократическим подъемом под воздействием Великой Французской революции, выступлениями фермеров, в том числе знаменитым восстанием 1794 г. в Пенсильвании.

¹⁷ Annals of Congress, 5th Congress, 2nd Session, p. 1114.

¹⁸ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, 1789—1829: Vol. 1—3 / Ed. by N. E. Cunningham, Jr. Chappel Hill, 1978, vol. 1, p. 191—192.

Конституция США 1787 г., которая, по замыслу ее авторов, должна была стать надежным мечом и щитом буржуазно-плантаторской власти, с точки зрения федералистской партии не отвечала этой задаче в новых исторических условиях (причиной тому являлось в первую очередь наличие в конституции билля о правах, не предусмотренного ее создателями, но одобренного американскими законодателями под напором масс в 1789 г.). Пенсильванский федералист Т. Фитсимонс, осудив 24 ноября 1794 г. в конгрессе США возникшие по всей стране и агитировавшие против правительства демократические клубы, с сожалением признал, что они «в строгом смысле не являются незаконными, хотя заключают губительную опасность для порядка и подлинной свободы»¹⁹. Вожди федералистов считали необходимым дополнить умеренных «отцов-основателей» США в изобретении способов борьбы с «перехлестами» демократии.

Наиболее весомый «вклад» в критику демократических статей конституции США был внесен федералистами во время обсуждения в 1798 г. печально известных законов об «иностранцах» и «измене». Эти законы, приравнивавшие к уголовному преступлению любое проявление оппозиции в отношении внутри- и внешнеполитических действий правительства, сводили на нет значение первых статей билля о правах, декларировавших свободу слова, печати, собраний. Большинство федералистов, подобно, например, Дж. Аллену из Коннектикута, призывали грубо, без оглядки на билль о правах, карать каждого, кто при помощи печатного или устного слова ставил под сомнение верность кого-либо из законодателей или членов правительства «конституции, свободам и счастью народа»²⁰. С другими, поистине иезуитскими способами обоснования реакционных законопроектов выступил Р. Г. Харпер, заслуживший среди либеральных историков США наших дней «славу» Маккарти 1790-х годов».

Харпер одним из первых доказал, что конституция может быть истолкована в любом, даже крайне реакционном духе, если это отвечает интересам власть предержащих. Да, соглашался он, конституция гарантирует свободу слова и печати. Но разве право на свободу слова и печати, вопрошал Харпер, включает право на клевету и измену? Таким образом, он без труда обнаруживал границы свободы, право определения которых, т. е. квалификация печатного или устного слова как клеветы и измены, принадлежало, понятно, государству²¹.

Идеальная политическая система, согласно федералистской доктрине, должна была быть полностью освобождена от влияния страстей и подчинена, как подчеркивал Дж. Кэбот, однажды зафиксированным правовым нормам и законам²². Основополага-

¹⁹ Annals of Congress, 3rd Congress, 2nd Session, p. 1899.

²⁰ Ibid., 5th Congress, 2nd Session, p. 2093.

²¹ Ibid., p. 2167.

²² Documents Relating to New England Federalism, p. 347.

ющая для идеологии федералистов идея «власти законов» обнаруживает в них партию порядка, желавшую освободиться от «прихотей толпы». Это суждение на первый взгляд может вызывать сомнение, ибо популярный в XVIII в. принцип «власти законов» имел изначально прогрессивное звучание, будучи направленным революционной буржуазией и ее духовными вождями против произвола монархов. Но в том-то и дело, что, придя к власти, буржуазия (опыт американских федералистов подтверждает это) использовала его уже в консервативных целях, для освящения сложившегося порядка. Лозунг «власть законов» направлялся в США 1790—1800-х годов не против произвола английского монарха, как это было до 1776 г., а против стихийного народного волеизъявления.

Приверженность федералистской партии социальному статус-кво обнаруживается в том, что она решительно осуждала не только революционные нововведения, но и любые реформы. Идея разрушительного воздействия «духа реформ» неизменно направлялась федералистской пропагандой против джефферсоновских республиканцев в периоды президентских выборов. Федералист из Северной Каролины А. Хендерсон, обращаясь к избирателям в канун первой инаугурации Джефферсона, предупреждал, что реформы вызывают «конвульсии цивилизованного мира и сотрясают основы общества»²³. Эймсу в умеренных социальных обещаниях Джефферсона виделись апокалипсические картины погружения США в догосударственное состояние «первозданности»²⁴.

Провозглашая приверженность социально-политическому статус-кво, федералисты никогда не отказывались от возможности определенного варьирования правовых норм и принципов в целях упрочения своих позиций в системе власти. Идейные обоснования такого варьирования носили консервативный характер, подталкивали развитие американской политической системы вправо. На протяжении 12 лет пребывания федералистской партии у власти ею пропагандировалась идея расширения прерогатив президента. Лидеров партии определенно не удовлетворял принцип «разделения властей», как он был зафиксирован в конституции 1787 г., хотя авторы последней сделали все возможное для возвышения роли президента.

Концепция сильной исполнительной власти приобрела особенно решительного защитника в лице Дж. Адамса. Он первым среди федералистов провозгласил, что федеральная конституция 1787 г. создала слабую президентскую власть. Адамса не удовлетворяло, что президент должен был испрашивать «совета и согласия» сената при заключении международных договоров и назначении государственных служащих и располагал правом ограни-

²³ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 1, p. 247.

²⁴ The Works of Fisher Ames, vol. 2, p. 130.

чительного, а не абсолютного законодательного вето²⁵. Высказанная Адамсом первоначально в умозрительной форме идея усиления президентской власти получила поддержку и развитие в идеологии федералистской партии под воздействием непосредственной политической практики и особенностей функционирования государственной системы, основанной на соперничестве политических партий. Возвышение президента-федералиста над конгрессом означало для партии автоматическое увеличение возможностей проведения удобного ей внутри- и внешнеполитического курса, ибо в законодательных палатах она никогда не рассчитывала на единовластие.

В период правления федералистов они усиленно насаждали культ исполнительной власти, выдвигали аргументы, обеспечивавшие президенту наибольшую свободу рук. Харпер в выступлениях в палате представителей конгресса США не однажды доказывал, что она не имеет никаких прав вмешиваться в дела президента, что глава исполнительной власти «ответствен только перед народом, но не перед представителями». Федералист из Южной Каролины клеймил тех депутатов, которые были склонны отожествлять палату представителей с «народом» и утверждал, вступая в очевидное противоречие с действительностью, что президентская власть «исходит от народа» в той же мере, как и власть конгресса²⁶. Безудержное поклонение культу президентской власти со стороны федералистов дало основание Харперу в 1801 г. назвать идею независимой исполнительной власти одним из двух (наряду с доктриной сильного федерального правительства) основополагающих политических принципов партии²⁷.

Судебная власть, так же как и исполнительная, составляла предмет особых забот федералистов. Их лидеры обнаружили особый интерес к ней в 1800-е годы, когда судебная власть выступила в качестве главной хранительницы статус-кво и барьера на пути нововведений джефферсоновских республиканцев. В то же время они подвергали частым нападкам палату представителей, которая, как утверждали в публичных обращениях Г. Моррис, Р. Г. Харпер, Дж. Мейсон из Массачусетса и многие другие федералисты, была «подвластна воздействию разрушительных страстей» и склонна к принятию «антиконституционных законов»²⁸.

Политические высказывания лидеров федералистов отличались наибольшим консерватизмом в 1790-е годы. Впоследствии их окраска определенным образом меняется. В целом эволюция федералистской доктрины в 1790—1800-е годы обнаружила ту закономерность, что партия, лишавшаяся власти и оказывавшаяся в оппозиции, изменяет свою идеологическую оснастку, актив-

²⁵ The Political Writings of John Adams, p. 170.

²⁶ Annals of Congress, 5th Congress, 2nd Session, p. 1167.

²⁷ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 1, p. 253.

²⁸ Ibid., p. 253; Annals of Congress, 7th Congress, 1st Session, p. 31, 41.

но начинает ее риторикой, не брезгуя заимствовать у счастливого соперника лозунги, пользующиеся наибольшей популярностью среди избирателей.

Правда, и после 1800-го года далеко не все федералисты согласились «отслужить мессу» идеалам демократии. В партии наблюдалось размежевание, по определению американского историка Д. Х. Финнера, на «старых» и «молодых» федералистов: первые, ортодоксы, принадлежали к поколению «отцов-основателей» партии, вторые, прагматики, сложились как политики на избирательных рубищах в послереволюционные десятилетия. Ортодоксы не отступили от заветов партии и в 1800-е годы. Типичным выражением их позиции могут служить слова федералиста из Северной Каролины Р. Дейви, адресованные в 1803 г. избирателям: «Я хочу заявить со всей откровенностью, что никогда не отказывался и не откажусь от своих принципов в угоду чьим-либо мнениям, независимо от того, исходят они от власти предержащих или от оппозиции. Мне не хотелось бы получить голоса тех, кто не готов предоставить мне полную свободу в отстаивании интересов моего округа, как понимаю их я сам...»²⁹. Девизом же поколения федералистов-прагматиков могли бы стать слова У. Паттерсона из Нью-Джерси: «Демократические настроения в стране крепнут день ото дня, и мы должны следовать гласу народа, так как в противном случае народ не пойдет за нами...»³⁰.

Многие заветы федералистов 1790-х годов не могли слепо копироваться в 1800-е годы в силу того, что положение партии в системе власти изменилось. Федералисты быстро убедились, что оппозиционная партия призвана отстаивать иные ценности, нежели правящая. Например, многие федералисты осознали явную нелогичность активной защиты идеи сильной независимой исполнительной власти в условиях, когда в президентском кресле оказался представитель соперничающей партии. Логика межпартийной борьбы переложила эту идею из уст федералистов в уста джефферсоновских республиканцев. В свете сказанного становится понятной критика в 1800-е годы некоторыми федералистами-конgressменами института президентской власти. Отдельные среди них выступили с ультрадемократическими идеями преобразования президентской власти. Например, Дж. Хилхауз предложил сократить срок полномочий президента до одного года.

Ряд федералистов в условиях оппозиции объявили себя защитниками народовластия, требовали покорно подчиняться воле избирателей, признавали за ними, как это сделал конгрессмен Дак. Пирсон, «право сменять их по своему желанию»³¹. Некото-

²⁹ Цит. по: *Fischer D. H. Op. cit.*, p. 151, 325.

³⁰ *Ibid.*, p. 325.

³¹ *Annals of Congress*, 10th Congress, 2nd Session, p. 1497—1498; 14th Congress, 1st Session, p. 699—703; 13th Congress, 1st Session, p. 275—285.

рые представители партии даже предложили изменить ее название, считая, что оно должно включать одно из определений — «республиканская» или «демократическая», — наиболее популярных в народе³². Они стали настойчиво проводить мысль о том, что отношение федералистов к республиканизму и демократии ничем не отличается от позиции джефферсоновцев и что различия между двумя партиями в этом вопросе больше не существуют. Более того, федералисты «новой волны», критикуя противоречия политического курса джефферсоновских республиканцев, обличали их в демагогии, а себя представляли в роли подлинных защитников «гласа народа».

Тем не менее «просвещенный» подход к политическим принципам партии внедрялся в федералистской идеологии с большим опозданием, а главное, уже после того, как партия утвердила в сознании самых широких слоев избирателей репутацию противницы демократии. Основное упущение федералистской партии в сравнении с джефферсоновскими республиканцами в области политической стратегии и идеологии заключалось именно в том, что партия не сумела осознать значения буржуазной политической демократии как основополагающего метода управления американской политической системой. Партия противилась буржуазной демократии в условиях, когда демократизация отвечала велению времени, жизненным потребностям американского капиталистического общества, а ее развитие находилось на фазе подъема. Федералисты не смогли уяснить в полной мере ни коренных отличий в функционировании американской политической системы в сравнении с добуржуазными государствами, ни конкретно-исторических потребностей политического развития США. Федералисты, констатируя в 1808 г. Н. Уэбстер, не только «оказывали сопротивление силе общественного мнения», но и «не разобрались в средствах, при помощи которых управляются все представительные государства»³³.

Если политические воззрения федералистов служили препятствием на пути буржуазно-демократического развития США, то их экономическая доктрина, безусловно, отвечала требованиям капиталистического прогресса. Бесспорный приоритет в формулировании экономической программы партии принадлежит А. Гамильтону. Под пером первого министра финансов США она обрела и свой законченный вид. Трудно переоценить роль знаменитых экономических докладов Гамильтона конгрессу США: «Об общественном кредите» (14 января 1790 г.), «О Национальном банке» (13 декабря 1790 г.), «О монетном дворе» (28 января 1791 г.), «О мануфактурах» (5 декабря 1791 г.)³⁴ — и с точки

³² Fischer D. H. Op. cit., p. 34.

³³ Life and Correspondence of Rufus King: Vol. 1—6 / Ed. by Ch. R. King. N. Y., 1894—1900, vol. 5, p. 37—38.

³⁴ The Papers of Alexander Hamilton, vol. 6, p. 65—168; vol. 7, p. 305—342; vol. 10, p. 230—340.

зрения их воздействия на формирование как идеологии федералистской партии в целом, так и самой партии. Именно в ходе баталлий вокруг этих докладов оформился идейный облик федералистской партии и произошло разделение американских законодателей на фракции, составившие ядро федералистов и республиканцев.

Главное требование первого доклада Гамильтона — об оплате по нарицательной стоимости всех долгов США, как отдельных штатов, так и центрального правительства — отвечало непосредственно интересам финансовой буржуазии Северо-Востока, сосредоточившей в своих руках львиную долю государственных облигаций и других долговых обязательств властей. Большую часть последних составляли «солдатские» сертификаты, которые от первоначальных владельцев, утративших в них веру, перекочевали в руки денежных воротил. Учитывая, что финансисты скупали «солдатские» сертификаты по цене, не выше 10—12% их нарицательной стоимости, можно было легко сосчитать, что их барыш в случае осуществления плана Гамильтона составил бы до 1000%. Джефферсоновские республиканцы противопоставили гамильтоновскому проекту другое предложение, получившее широкую поддержку массы налогоплательщиков, за счет которых и предполагалось погасить государственный долг, — оплатить по полному курсу только сертификаты, находившиеся в руках их первоначальных владельцев, а остальные облигации оплачивать по фактической стоимости или вовсе аннулировать.

Контраргументы Гамильтона, изложенные в докладе, сводились к тому, что его план погашения государственного долга — единственный способ обеспечения прочной и долгосрочной основы общественного кредита. Потребность в кредите, доказывал он, является одной из главных в любом государстве. Но, чтобы получить его, нужно научиться исправно расплачиваться с долгами³⁵. В целом концепция государственного долга Гамильтона была довольно бесхитростным идеологическим обоснованием тесной унии американского буржуазного государства и финансово-ростовщического капитала Северо-Востока, представлявшего собой становой хребет федералистской партии.

Если концепция государственного долга и кредита А. Гамильтона не вызвала особых разногласий среди федералистов, то по предложенному плану организации Национального банка возникли возражения со стороны ряда видных деятелей партии.

Тема Национального банка не раз вдохновляла Гамильтона. Кроме упомянутого доклада «О Национальном банке», она получила наиболее полное развитие в «Заметках о преимуществах Национального банка», адресованных Дж. Вашингтону 27 марта 1791 г.³⁶, в трактате «Обоснование конституционности закона

³⁵ Ibid., vol. 11, p. 470.

³⁶ Ibid., vol. 7, p. 218—223.

об учреждении банка»³⁷ и других его печатных и устных выступлениях. За Национальным банком Гамильтон предлагал закрепить самые разнообразные функции: аккумулярование всех наличных и особенно свободных капиталов страны, кредитование государственных и частных потребностей, эмиссия денежных знаков и упорядочение финансово-валютной системы страны. Утверждая, что с созданием Национального банка централизация частного капиталистических финансов и кредита заключала, с точки зрения Гамильтона, поистине необозримые возможности для увеличения капиталов и богатства страны. Банк, объявлял он, будет кредитовать не только за счет имеющихся фондов, но и станет выпускать банкноты сверх своих запасов благородных металлов. Так будет создан искусственный капитал, который явится мощным дополнительным рычагом воздействия на экономику³⁸.

Гамильтон был решительным противником распыленной системы банков штатов, увековечивающих «губительную разногласию в денежном обращении нации, не способных к кредитованию дорогостоящих государственных программ, например сооружений межштатных дорог»³⁹.

Среди федералистов с критикой плана Национального банка выступили некоторые представители южных штатов, а также небольшая часть политиков из северо-восточных районов, например Дж. Адамс. Позиция южан объяснялась нежеланием передавать козыри американской экономики в руки северо-восточных финансистов, которым была уготована господствующая роль в Национальном банке. Однако южные федералисты не были единоподушны в оппозиции Национальному банку: так Р. Г. Харпер, Д. Шеффи и др. решительно выступили в пользу Национального банка.

Оппозиция Национальному банку со стороны Дж. Адамса, как показал американский историк М. Дж. Дауэр, объяснялась его крайне настороженным отношением к идее создания при помощи кредитных операций искусственного капитала, используемого наравне с благородными металлами⁴⁰. В выпуске любого количества банкнот, не обеспеченного золотым запасом, Адамс видел не более как путь к углублению инфляции⁴¹. Вместе с тем Адамс никогда не сомневался, что создание Национального банка полностью соответствовало принципам федеральной конституции.

Наибольшей поддержкой в федералистской партии пользовалась гамильтоновская программа государственного покровительства развитию промышленности и торговли. Она включала широкую серию протекционистских мер: защитительные или даже,

³⁷ Ibid., vol. 8, p. 97—134.

³⁸ Ibid., vol. 7, p. 309, 313, 314.

³⁹ Ibid., vol. 8, p. 219—222.

⁴⁰ Daur M. J. Adams Federalists. Baltimore, 1953, p. 67—69.

⁴¹ The Works of John Adams, vol. 9, p. 638.

если необходимо, запретительные ввозные пошлины на товары — дубликаты отечественной продукции; запрещение вывоза сырья из страны и поощрение в случае его нехватки ввоза из-за границы; способствование изобретениям и открытиям внутри страны и внедрение в американской промышленности технических достижений других стран; государственный надзор над качеством производимой продукции; строительство новых дорог, каналов и улучшение старых и т. д.⁴²

С особой настойчивостью проповедовал Гамильтон идею создания в стране крупных мануфактур. На возражения критиков, доказывающих полную несостоятельность плана развития в США больших предприятий в силу крайне недостаточного предложения рабочих рук на рынке труда и отсутствия больших состояний, он приводил весомые контраргументы. Ручной труд на предприятиях, указывал Гамильтон, стремительно уступает место машинному, и при условии энергичного внедрения новых технических изобретений на американских мануфактурах дефицит рабочей силы может быть преодолен. Кроме того в США, по его мнению, совершенно не использовался английский опыт по привлечению на мануфактуры женщин и детей. Что же касается отсутствия в стране достаточного количества крупных индивидуальных состояний, необходимых для массового развития больших предприятий, то эта проблема, разъяснял Гамильтон, будет легко разрешена с созданием Национального банка, который станет субсидировать любые суммы любому числу предпринимателей⁴³.

Среди всех предложений Гамильтона, направленных на стимулирование отечественной промышленности и торговли, наибольшей популярностью в федералистской партии пользовалось требование об ограничении при помощи протекционистских тарифов конкуренции со стороны иностранных товаров, сулившее американскому бизнесу непосредственную и легкодоступную экономическую выгоду. Оно стало боевым экономическим лозунгом федералистов.

В конгрессе США лидерам федералистов приходилось вести напряженные идейные дискуссии по вопросам тарифной политики с джефферсоновскими республиканцами, зарекомендовавшими себя твердыми приверженцами фритредерства. Во время одной из них — в апреле 1789 г. — пенсильванский федералист Т. Харлей указывал, что протекционизм в качестве самого надежного способа поощрения национальных промышленных интересов был взят на вооружение еще мудрыми правителями античных республик и империй и с тех пор стал краеугольным камнем в политике «всех просвещенных государств»⁴⁴.

Возражая федералистам, лидер джефферсоновских республиканцев в палате представителей Дж. Мэдисон напоминал, что

⁴² The Papers of Alexander Hamilton, vol. 10, p. 296—314.

⁴³ Ibid., vol. 9, p. 144—145; vol. 10, p. 249.

⁴⁴ Annals of Congress, 1st Congress, 1st Session, p. 109.

самый авторитетный экономист XVIII в. А. Смит был последовательным защитником фритредерства. Суждения Мэдисона были подвергнуты критике со стороны главы федералистской фракции Ф. Эймса. Признавая «блестящими» принципы смитовского «Богатства народов», Эймс, выражая твердо укоренившееся в среде федералистов мнение, предупреждал, что идеи Смита «должны применяться в Америке с большой осторожностью», так как американские мануфактуры в отличие от всемогущей английской промышленности как раз нуждались в пристальном внимании и покровительстве со стороны государства⁴⁵.

Экономическая платформа федералистов, сориентированная на торгово-промышленное развитие США, создавала сложную проблему взаимоотношений между северо-восточной фракцией партии, безоговорочно поддерживавшей такую перспективу, и федералистами-южанам, которым были дороги аграрные интересы. Экономические планы партии еще более затрудняли поиски массовой социальной базы в стране, состоявшей как в конце XVIII в., так и в начале XIX в. более чем на 90% из аграрного населения. В этом отношении позиция джефферсоновских республиканцев, твердо выступивших за аграрное развитие США, выглядела куда более благоприятной. Перед федералистами, если они хотели быть не секционной, а национальной партией, стояла задача интеграции в свою платформу аграрных интересов США.

Федералисты решали ее при помощи очень простого, но далеко не самого убедительного способа, — доказывали, что развитие промышленности и торговли включает в себе наилучшее естественное решение всех проблем сельского хозяйства. Этот аргумент — своеобразный рефрен доклада «О мануфактурах» А. Гамильтона. В нем министр финансов делал беспрестанные реверансы в сторону «возделывателей земли» и даже объявлял их, встав на точку зрения физиократов и Т. Джефферсона, самыми полезными гражданами любого государства, истинными создателями богатств нации. Более того, Гамильтон подчеркивал, что эта точка зрения обретает свое самое убедительное звучание в США, где подавляющая часть населения занята в сельском хозяйстве⁴⁶. Вместе с тем в докладе, изобиловавшем программами государственного покровительства интересам промышленности, глава федералистов не внес ни одного практического предложения, направленного на удовлетворение нужд сельского хозяйства.

Лидер южных федералистов Р. Г. Харпер, обратившись в 1801 г. к определению конечных целей партии, видел их в достижении гармонии между промышленными и аграрными интересами нации и доказывал, что поощрение торговли является «наиболее действенным способом развития сельского хозяйства и других отраслей хозяйства»⁴⁷. Во взглядах Харпера на раз-

⁴⁵ Ibid., p. 229; The Works of Fisher Ames, vol. 1, p. 49.

⁴⁶ The Papers of Alexander Hamilton, vol. 10, p. 233—235.

⁴⁷ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 1, p. 254.

витие промышленности и торговли ярко отразилась позиция владельцев коммерческих плантаций и ферм, заинтересованных как в расширении национальных рыночных связей, так и в выходе на мировой рынок. Стремительный рост американских городов, стимулирование национального мореплавания, доказывал он, увеличивает возможность сбыта сельскохозяйственной продукции и самым непосредственным образом отвечает аграрным интересам США. Харпер даже приходил к выводу, что экспансия торговли делает излишним какое-либо стимулирование сельского хозяйства.

Точку зрения Харпера разделяли и другие лидеры южных федералистов, в частности конгрессмен от Виргинии Дж. Страттон⁴⁸. Для федералистов-южан типа Харпера и Страттона проповедь единства торгово-промышленных и аграрных интересов США являлась, кроме всего прочего, средством преодоления секционных разногласий в стране, упрочения национального единства⁴⁹. Но такой «просвещенный» подход к взаимоотношению торгово-промышленных и аграрных интересов США характерен все же далеко не для всех южных федералистов.

Многим среди них было свойственно сознательное подчеркивание безусловного приоритета аграрных интересов и второстепенного, явно подчиненного по отношению к ним значения торговли и промышленности. Так, мэрилендец Ф. Б. Кей, выступая в апреле 1810 г. в конгрессе США, патетически призывал поборщиков «аграрных интересов» никогда не уступать приоритета торговле и промышленности, требовал от правительства и впредь проявлять первоочередную заботу о сельском хозяйстве и утверждал, что щит и меч национальной независимости может быть доверен только добродетельному йоменри, а не босякам с мануфактур⁵⁰. Другой мэрилендский федералист доказывал, что «в аграрных обществах, подобных нашему, где торговцы оспаривают позиции фермеров, коммерция должна отступить перед сельским хозяйством, ибо интересы фермеров составляют главенствующий интерес страны»⁵¹. Суждения двух мэрилендских федералистов фактически ничем не отличались от идеологической доктрины джефферсоновских республиканцев и свидетельствовали о наличии серьезной коллизии в федералистской партии в вопросе о путях развития американского капитализма.

Глубина этой коллизии раскрывается в полной мере, если сравнить суждения федералистов-южан, придерживавшихся концепции аграрного развития США, с позицией тех северо-восточных федералистов, которые зарекомендовали себя решительными противниками этой ориентации. К таковым относился, например, Дж. Бэйард из Нью-Джерси, который в годы прези-

⁴⁸ Ibid., p. 281.

⁴⁹ Ibid., p. 255.

⁵⁰ Annals of Congress, 11th Congress, 2nd Session, p. 1906.

⁵¹ Цит. по: Fischer D. H. Op. cit., p. 172.

дентства Джефферсона не упустил случая, чтобы с трибуны конгресса развенчать как утопию экономические принципы республиканцев. Если последние неизменно исходили из того, что сама природа, предоставив США необозримые свободные земли, уготовила им аграрный путь развития, то Бэйард, напротив, доказывал, что окаймлявшее Северную Америку океанское побережье длиной в 17 тыс. миль предопределило ей быть торговой нацией⁵².

Решительным критиком экономической доктрины джефферсоновских республиканцев зарекомендовал себя и Ф. Эймс. В канун вступления Джефферсона в должность президента он угрожал американцам скорым крахом банков и мануфактур, неминуемым увяданием мореплавания и торговли США и грядущим апокалипсисом американской цивилизации, уступающей в видениях пророка-федералиста место «естественному состоянию и первобытным добродетелям»⁵³.

Пребывание у власти джефферсоновских республиканцев опровергло прогнозы относительно крушения американской торговли и промышленности и заставило партийную пропаганду федералистов изменить направление критики политического противника. Теперь они критиковали джефферсоновских республиканцев за лицемерие, за предательство «аграрной мечты», за демагогическое использование распространенных среди масс американцев иллюзий и верований в целях заполучения голосов избирателей. Федералист из Род-Айленда Э. Р. Поттер в обращении к избирателям 11 августа 1810 г. довольно убедительно показывал, что джефферсоновские республиканцы, отнявшие власть у федералистов благодаря обещаниям снизить налоги, пошлины, правительственные расходы, в действительности присвоили и растратили такое количество «народных денег», на какое даже не мыслили покушаться администрации Дж. Вашингтона и Дж. Адамса⁵⁴.

Критикуя джефферсоновских республиканцев за псевдодемократизм и лицемерие, федералисты, однако, не могли предложить избирателям собственной конструктивной демократической программы экономических преобразований. Их программа государственных мер, направленных на поощрение национальной промышленности и торговли, безусловно, отвечала требованиям капиталистического прогресса, но не могла завоевать широкой популярности среди масс американцев, связанных в своем подавляющем большинстве с сельским хозяйством. В ней не было привлекательных аграрных идей и прежде всего требования об облегчении простому люду доступа к свободным землям. Экономические лозунги федералистов могли распространиться в лучшем случае среди ремесленников, рабочих мануфактур. Однако

⁵² *Annals of Congress*, 7th Congress, 1st Session, p. 608.

⁵³ *The Works of Fisher Ames*, vol. 2, p. 129, 132.

⁵⁴ *Circular Letters of Congressmen to their Constituents*, vol. 2, p. 746—748.

их в свою очередь не мог не насторожить и отпугнуть элитарный дух федералистской идеологии, проявившийся не только в политической, но и в социально-экономической доктрине партии.

Одним из излюбленных способов «развенчания» федералистами демократического облика джефферсоновских республиканцев являлось возложение на них всей ответственности за сохранение рабовладения в США. При этом доказывалось, что республиканцы-южане заинтересованы в увековечении рабовладения не только по экономическим, но и политическим причинам, ибо сохранение за плантаторскими штатами представительных норм в конгрессе США с учетом трех пятых численности негритянского населения только и обеспечивает им возможность успешного противодействия федералистам. После победы Джефферсона на президентских выборах 1800 г. они утверждали, как это делал, например Дж. Куинси из Массачусетса, что республиканцы смогли взять верх исключительно благодаря злополучному «правилу трех пятых»⁵⁵.

Вожди федералистов время от времени выступали с предложением об отмене «правила трех пятых», а в конце 1804 г. Т. Пикеринг внес его даже на рассмотрение конгресса США⁵⁶. В предложении Пикеринга проступала очевидная политическая корысть федералистов — они хотели лишить противников определенных преимуществ в борьбе за власть, — но в нем не заключалось интереса к судьбам поработанных негров.

В целом собственное отношение федералистской партии к проблеме негритянского рабства отличалось желанием сохранить в этом вопросе статус-кво. Партия не проявляла интереса ни к требованию о немедленной, ни к предложению о постепенной отмене позорного института. Типичным для характеристики отношения федералистских лидеров к негритянской проблеме являлось выступление в конгрессе США в январе 1800 г. Х. Г. Отиса во время обсуждения петиции негров об отмене закона «О беглых рабах». Отис, «поблагодарив бога за то, что не имеет рабов», заявил, что решение вопроса о судьбах рабства в каждом штате должно быть признано компетенцией только правительства данного штата и что федеральные власти не должны иметь к проблеме рабства никакого касательства⁵⁷. Подобно умеренно консервативным авторам американской конституции 1787 г., Отис был верен тому принципу, что в подходе к вопросу о рабстве нужно всегда помнить о собственных правах южных плантаторов.

В пропаганде своего внешнеполитического курса, рассчитанного на расширение связей с Англией и разрыв уз с Францией, федералистская партия столкнулась с огромными трудностями.

⁵⁵ Kerber L. K. *Federalists in Dissent. Imagery and Ideology in Jeffersonian America*. Ithaca; London, 1970, p. 37.

⁵⁶ *Annals of Congress*, 8th Congress, 2nd Session, p. 20—22.

⁵⁷ *Ibid.*, 6th Congress, 1st Session, p. 231.

Те американцы, которые еще не забыли антиколонпальную борьбу против метрополии, а также военно-политическую помощь Соединенным Штатам со стороны Франции в ходе войны за независимость, расценивали внешнеполитическую доктрину федералистов как забвение революции и национальных интересов. Федералисты приложили огромные усилия, чтобы представить в выгодном свете свою внешнеполитическую доктрину и склонить на сторону партии общественное мнение.

Лейтмотив внешнеполитической доктрины федералистов, явно рассчитанный на выработку благоприятного отношения самых широких слоев американцев к целям партии, состоял в том, что курс на расширение экономических и политических связей с Англией носит тактический характер, ибо служит наиболее верным средством среди всех возможных для обеспечения в конечном итоге прочной политической независимости и экономической самостоятельности страны. США, доказывали федералисты, смогут стать могущественной державой только при условии длительного мира, и ради его поддержания необходимо пойти на определенные и даже крупные уступки Англии⁵⁸.

Этот мотив чаще всего использовался федералистами в период подготовки и ратификации договора Джея (одобрен сенатом 24 июня 1795 г.), обеспечивавшего Англии необычайно благоприятные в сравнении с другими странами условия проникновения на американский рынок и подтверждавшего все предвоенные долги бывших колоний метрополии. Дж. Адамс в письме Джефферсону указывал, что «еще одна война» против Англии увеличит на 200—300 млн. долл. долги американского правительства, приведет к милитаризации страны и (здесь он апеллировал к демократическим убеждениям адресата) обернется утверждением в стране монархии и аристократии!⁵⁹

Стремясь утвердиться в глазах общественности в качестве «партии мира», использующей стабилизацию отношений с Лопдоном лишь в качестве средства достижения подлинно национальных интересов США, федералисты в публичных выступлениях нередко негодующе отводили обвинения в проанглийских симпатиях. Так, А. Гамильтон в серии статей в «Газетт оф зе Юнайтед Стейтс» в марте-апреле 1793 г. писал о наличии в стране трех партий — профранцузской, проанглийской и американской. Он резко осуждал «как тех, кто склоняется к поддержке французских интересов, так и тех, кто предпочитает им интересы Англии», и превозносил позицию федералистов как представителей «подлинно американской партии», сделавшей бесповоротный выбор в

⁵⁸ Одним из первых законченных изложений этой концепции являются ответы А. Гамильтона в 1790 г. на запрос Дж. Вашингтона о желательном внешнеполитическом курсе США. См.: *The Papers of Alexander Hamilton*, vol. 7, p. 37—57.

⁵⁹ *The Adams — Jefferson Letters*, vol. 1, p. 255.

пользу национальных интересов США⁶⁰. Однако в доверительных беседах с англичанином Дж. Беквитом Гамильтон признавал наличие в стране только двух партий: профранцузской в лице джефферсоновцев и проанглийской в лице федералистов. Тут же он раскрывал и причину, заставлявшую федералистов маскировать свои симпатии, — большинство нации поддерживает развитие отношений с Францией⁶¹.

Федералистская пропаганда довольно искусно подбирала аргументы, призванные раскрыть преимущества развития отношений между США и Англией. Особое место среди них занимали факты, показывавшие взаимосвязь экономических интересов двух стран. Сложность, возникшая перед федералистской пропагандой, заключалась в том, что в глазах многих американцев защита национальных интересов США и в первую очередь покровительство промышленным и торговым кругам, составлявшим опору партии Гамильтона, требовали проведения жесткой протекционистской политики в отношении Англии. Данное обстоятельство постоянно использовали в своих выступлениях джефферсоновские республиканцы: они настаивали на закрытии доступа английской торговле и промышленности к американским берегам и объявляли федералистов, придерживавшихся иных принципов, псевдодрузьями национального купечества и владельцев мануфактур, а себя — их подлинными покровителями.

В таком духе выступил, например, в палате представителей 3 января 1793 г. лидер республиканской фракции в конгрессе США Дж. Мэдисон. Его оппонент Ф. Эймс дал исчерпывающее изложение аргументов федералистской партии. Федералисты, говорил Эймс, являясь родоначальниками и активными защитниками протекционистской политики в США, не намерены догматически направлять ее острие против Лондона по той причине, что Великобритания является главным торговым партнером Соединенных Штатов. Республиканцы, продолжал далее Эймс, склонны представлять Англию как душительницу торговли других стран, а Францию — как их бескорыстного друга.

Но почему же, вопрошал лидер федералистов, американские купцы (тут он приводил впечатляющие цифры) везут свои товары во владения Великобритании и лишь от случая к случаю заходят во французские порты? Если американский экспорт в британские владения составляет главную статью доходов американского купечества, доказывал Эймс, то пошлины с английского импорта в штаты, в десятки раз превышающего объем товаров, ввозимых из Франции, есть главный источник наполнения федеральной казны. Предпочесть французский импорт английскому, заключал он, означало бы, во-первых, резкое сокращение поступлений в федеральную казну, а во-вторых, американские покупатели облагались бы дополнительным косвенным налогом, ибо

⁶⁰ The Papers of Alexander Hamilton, vol. 14, p. 267—268.
⁶¹ Ibid., vol. 7, p. 73.

французские товары много дороже английских и останутся такими на долгие времена⁶². Доводы Эймса не оставляют сомнения в том, что федералисты руководствовались прагматическими соображениями для поддержания торговых отношений с Англией.

Время от времени федералисты публично раскрывали и политические мотивы проанглийской внешнеполитической ориентации. Так, Эймс, выступая в прессе, не скрывал, что восхищается английской политической системой, обеспечивавшей социальную стабильность и экономическое благоденствие нации. Неизменно подчеркивая приверженность республиканскому строю США, Эймс вместе с тем считал, что английская конституционная монархия как никакая другая система обеспечивает «защиту собственности и ее прав»⁶³. Высказывания Эймса и его единомышленников свидетельствуют, что та или иная политическая форма оценивалась ими с точки зрения обеспечения экономических позиций буржуа. Встав на эту позицию, они, конечно же, отдавали предпочтение английской монархии, а не якобинской республике во Франции.

Политическую сторону договора с Англией 1795 г. прекрасно сознавал и постоянно имел в виду его автор Дж. Джей. В письме ветерану Американской революции Дж. Дуэну от 16 сентября 1795 г. Джей указывал, что укрепление связей с Англией нанесет удар в самих США по политическим позициям «антифедералистов», «должников», «якобинских философов»⁶⁴. Аргументы, обосновывавшие преимущества экономического и политического сближения с Англией, подкреплялись в федералистской идеологии развернутой антифранцузской пропагандой.

Антифранцузские настроения федералистов, равно как и их проанглийские взгляды, возникли не вдруг, а явились продуктом достаточно сложной эволюции и отразили глубокие изменения, происшедшие на международной арене в период после окончания войны США за независимость. Причины, заставившие федералистов решительно отречься от идеи американо-французского союза, определялись прежде всего изменением международного положения и социально-политического облика Франции под воздействием революции 1789 г.

Одним из выражений глубоко прагматичной основы антифранцузской доктрины федералистов можно считать суждения, высказанные в 1790 г. Гамильтоном, когда еще далеко не раскрылись демократические и радикальные тенденции революции 1789 г., ставшие главным объектом критики в поздней федералистской пропаганде. При определении стратегической линии американского правительства в отношениях с Францией, доказывал Гамильтон, необходимо исходить из того, что бывшая союзница США уже не может рассматриваться в качестве стабильной, а следо-

⁶² The Works of Fisher Ames, vol. 2, p. 16—33.

⁶³ Ibid., p. 166.

⁶⁴ The Correspondence and Public Papers of John Jay, vol. 4, p. 193.

вательно, сильной и надежной политической системы. Союз с государством, находившимся в состоянии дестабилизации, заключал он, чреват для США опасными и непредсказуемыми последствиями⁶⁵.

Прагматические мотивы, заключавшиеся в раскрытии невыгодного для США как в экономическом, так и в политическом отношении характера союза с Францией, сохраняют значение в идеологии федералистской партии и в последующие годы. В высказываниях ее лидеров приводились аргументы, подчеркивавшие ограниченные возможности развития торговых связей между двумя странами, показывалось, что сохранение союза с Францией, объявившей войну всем европейским монархам, приведет США к губительному конфликту с альянсом могущественных держав Старого Света⁶⁶.

Вместе с тем по мере развития революции во Франции, осуществления ею социально-политических мер, отвечавших интересам широких масс, в антифранцузской критике федералистской партии особый акцент делается на несовместимости деяний Французской революции с благоприятными для американской буржуазии условиями общественного развития.

Идеологи федералистов настойчиво проводили мысль о том, что Французская революция несовместима-де с идеалами, начертанными на знамени Американской революции 1776 г. Одни, подобно Ф. Эймсу, отрицали Французскую революцию в целом, другие — Х. Г. Отис, Р. Г. Харпер, А. Гамильтон — не принимали ее якобинского этапа как якобы предавшего заветы 1789 г. Критика якобинского этапа, который в федералистской пропаганде постепенно стал отождествляться со всей Французской революцией, являлась одновременно и способом идеологической борьбы с джефферсоновскими республиканцами, которых в США стали именовать «якобинской партией».

Антифранцузская доктрина федералистов не претерпела существенных изменений и после падения якобинской власти. К правлению якобинцев и термидорианской диктатуре, Робеспьеру и Бонапарту они подходили с единой меркой. Зигзаги Французской революции служили федералистам материалом для проповеди тезиса: демократия питает беззаконие и деспотизм, тирания — оборотная сторона «толпокрапии». Ф. Эймс в одной из бесчисленных антифранцузских статей («Равенство. О природе и основах власти Бонапарта», 1801 г.) писал о неизбежном перерождении политической демократии в тиранию: «Революция дает жизнь и силу толпе. Толпа выступает вначале в качестве неуправляемой, а затем в качестве управляемой армии. Но на каждой стадии толпа является не более как слепым орудием в руках вождей. Господство над армией в конечном итоге неизбежно со-

⁶⁵ The Papers of Alexander Hamilton, vol. 7, p. 49—51.

⁶⁶ Ibid., vol. 14, p. 268; The Works of Fisher Ames, vol. 2, p. 16—33.

средоточивается в руках одного человека — главнокомандующего, превращающегося в единоличного деспота и хозяина государства»⁶⁷.

Особое место в пропаганде федералистов заняло утверждение о якобы агрессивном характере Французской революции, что связывалось с объявлением Францией войны крупнейшим европейским державам, выступившим на стороне контрреволюции (1792—1793 гг.). В июне — июле 1793 г. ведущий орган федералистов «Газетт оф зе Юнайтед Стейтс» опубликовал семь статей А. Гамильтона под общим названием «Пасификус» (где этот тезис получил законченное развитие).

Объявление Францией войны Пруссии, Австрии, Англии, Испании и другим европейским державам послужило Гамильтону дополнительным аргументом для нападок на франко-американский договор 1778 г. Поскольку этот договор определял военно-политический союз между двумя странами как оборонительный, доказывал Гамильтон, постольку американцы вправе отречься от какой-либо помощи Франции, выступившей в качестве «агрессора». Попутно глава федералистов пытался критиковать и положение демократов о том, что помощь Франции в годы войны за независимость накладывала на американцев определенные моральные обязательства. Возражения Гамильтона выглядели правдоподобно: Франция, писал, он, помогала США отнюдь не из-за симпатий к Американской республике, а исходила из собственных корыстных интересов, стремясь ослабить своего главного противника — английскую монархию. Однако при этом Гамильтон «упускал» из виду, что корыстные мотивы характеризовали в годы войны за независимость позицию французского монарха, а не французской нации, как утверждал федералист⁶⁸.

Внешнеполитическая доктрина федералистов дала первую трещину после поражения партии на президентских выборах 1800 г. Желание приспособиться к настроениям избирателей, улучшение отношений США и Франции и грубые, как никогда прежде, нарушения морских прав американцев со стороны Лондона заставили лидеров партии умерить пропаганду преимуществ дружбы с Англией и приглушить антифранцузские высказывания. Даже самый фанатичный защитник английской политической системы Ф. Эймс в 1805 г. в письме Т. Пикерингу предлагал прекратить «непопулярную защиту британских принципов»⁶⁹. Еще раньше, в 1801 г., в статье посвященной итогам президентских выборов, Эймс доказывал, что федералисты никогда не были проанглийской партией и что их внешнеполитическая доктрина заключала более реалистичные, в сравнении с стратегией джеф-

⁶⁷ The Works of Fisher Ames, vol. 2, p. 223.

⁶⁸ The Papers of Alexander Hamilton, vol. 15, p. 34—56, 60—61, 90—95, 130—135.

⁶⁹ The Works of Fisher Ames, vol. 1, p. 344.

джефферсоновских республиканцев, способы противостояния могуществу Лондона⁷⁰.

Приглушив проанглийскую направленность в своей пропаганде, федералисты вместе с тем и в 1800-е годы сохранили верность основополагающей для их внешнеполитической стратегии идее поддержания мира и упрочения торговых связей с Лондоном. Они требовали от соотечественников проявлять сдержанность в отношении агрессивных действий Англии и не превращать нарушения Лондоном морских прав США в повод для военных действий.

Некоторые федералисты не отрицали, что США когда-нибудь, возможно в недалеком будущем, придется защищать свои торговые и морские права нейтральной державы силой оружия. Но при этом они подчеркивали (как это делали виргинец Дж. Брекенридж в обращении к избирателям 3 марта 1811 г.), что объектами мщения для США могут стать в равной степени и Англия и Франция⁷¹. Сам Брекенридж, подобно подавляющему большинству федералистов, сосредоточивал огонь своей критики на вероломных действиях наполеоновской Франции и в первую очередь на «великом обмане» французским императором правительства США.

Дело в том, что в 1810 г. правительство США закрепило за президентом право налагать эмбарго на торговлю с одной из воюющих европейских держав, если она не перестанет нарушать американский нейтралитет после того, как его обязуется уважать противоположная сторона. Правительство Франции первым смекнуло, что может извлечь для себя выгоду из этого закона. Мэдисон, получив полуофициальное сообщение о том, что Наполеон согласен отменить все ограничительные акты в отношении американской торговли, принял известие за чистую монету и объявил о прекращении торговли с Англией с начала 1811 г., чем нанес смертельный удар по любимому детищу федералистов — договору Джея. После этого конфликт между США и Англией еще более обострился. А указа Наполеона о признании морских прав США так и не последовало.

Вероломство Наполеона и легкомысленное политическое решение Мэдисона стали объектом критики со стороны федералистской пропаганды. Они вдохнули жизнь в антифранцузскую доктрину федералистов и дали последним дополнительные аргументы для того, чтобы клеймить джефферсоновских республиканцев как «французскую партию». Особенно возмущало федералистов прекращение указом президентской власти торговли с Англией. Конгрессмен из Виргинии Д. Шеффи, излагая в 1811 г. господствующую точку зрения по вопросу о значении для экономики США англо-американских торговых связей, утверждал: «Мы

⁷⁰ Ibid., vol. 2, p. 158.

⁷¹ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 2, p. 769.

присутствуем с вами на необычном спектакле одобрения правительством мер, которые опустошат ее казну и принудят нас обратиться к внутренним налогам, парализуют не торговлю и мореплавание Англии, как ожидается, а бизнес наших собственных сограждан, закрепив за Англией абсолютную монополию на мировом рынке. И все это ради развития торговли с Францией, ведущей ее на корыстных и несправедливых началах»⁷².

Лидеры федералистов обнаружили неспособность и нежелание разобраться в объективных причинах углубления англо-американских противоречий, приведших в 1812 г. к войне между двумя странами. Согласно толкованию федералистов, закрепленному в платформе Хартфортского конвента партии 1814 г., война началась исключительно по вине джефферсоновских республиканцев, слепо полагавшихся в своей внешней политике на дружбу с Францией и совершенно не утруждавших себя поисками взаимопонимания с Англией⁷³.

Объявление Соединенными Штатами в 1812 г. войны Англии было встречено федералистами в штыки. Разногласия между ними и джефферсоновскими республиканцами достигли своего пика. На протяжении всего периода войны федералистская пропаганда подвергала правительство республиканцев острейшей критике. Вступление в войну США, имевших под рукой не более 10 тыс. войска и не располагавших самыми минимальными средствами для увеличения армии и ее вооружения, приравнивалось ими к аванюре⁷⁴.

Но самым ужасным, на взгляд федералистов, было то, что США вообще вступили в войну против Англии. Конечно, соглашался один из лидеров партии, С. Таггарт (из Массачусетса), Англия существенно ограничивала морские и торговые права США. Но, восклицал он, когда и где в период крупных войн сражающиеся страны соблюдали права нейтральных государств? Правительству США, оценивая позицию страны в сложившихся международных отношениях, доказывал Таггарт, необходимо исходить не из того, что та или иная воюющая страна нарушает их права нейтрального государства, а из того, что Соединенным Штатам удалось извлечь выгоду из создавшихся условий, укрепить свою промышленность и торговлю⁷⁵. Вступив в войну, доказывали федералисты, США нанесли непоправимый ущерб этим достижениям, подорвали как экспорт, так и импорт страны, а следовательно, жизненный нерв ее экономики, основанный на торговых связях с Англией.

⁷² Ibid., p. 772.

⁷³ The Young Republic, 1789—1815 / Ed. by J. C. Miller. L., 1970, p. 192.

⁷⁴ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 2, p. 816—828, 953—969.

⁷⁵ The Yearly Republic, 1789—1828 / Ed. by N. E. Cunningham, Jr. N. Y., 1968, p. 89.

Одно из пропагандистских клише федералистской партии в период англо-американской войны сводилось к тому, что она была спровоцирована Наполеоном и что республиканская партия выступила в качестве его одураченного пособника. Эту версию отстаивали в обращениях к избирателям такие влиятельные члены конгресса США, как Д. Шеффи, У. Гастон, Дж. Пирсон⁷⁶.

Сопоставление внешнеполитической доктрины федералистской партии с объективным процессом исторического развития США обнаруживает ее существенные противоречия и слабости. Достижение экономического процветания и защита государственных интересов США, как они определялись федералистской партией, были возможны только при условии соблюдения Англией национального суверенитета Американской республики, поддержания в отношениях двух сторон принципа равного партнерства. Однако такая схема развития США в конце XVIII — начале XIX в. была, несмотря на временные удачи, не более чем иллюзией. Осуществление внешнеполитической стратегии федералистской партии означало увековечение унижительного для Соединенных Штатов положения на международной арене. Внешнеполитическая же доктрина джефферсоновских республиканцев, хотя и ущемляла экономические интересы капиталистических кругов Северо-Востока, да и всей массы потребителей, тем не менее была более действенным способом защиты национальных интересов и достоинства США.

Политические деятели штатов Новой Англии, прочно удерживавшие руководство федералистской партией, были, казалось, готовы на любые оскорбления национального суверенитета США со стороны Англии, лишь бы капиталистические круги Северо-Востока извлекали экономическую выгоду из отношений с бывшей метрополией. Прагматизм федералистов привел их в конечном счете к предательству: в 1814 г., в разгар англо-американской войны, они предприняли попытку отделения штатов Новой Англии от Союза. Этот шаг был равнозначен самоубийству: федералисты полностью дискредитировали себя в глазах нации и вскоре сошли с политической арены как национальная партия.

Рассмотрение идеологии федералистов свидетельствует об определенном поправлении мировоззрения американских верхов в десятилетия после окончания революции XVIII в. Усилия лидеров партии были направлены на консервацию буржуазных социально-политических преобразований революционного периода. Социальная и политическая доктрины федералистов создавали препятствия на пути развития США по буржуазно-демократическому пути. Их внешнеполитическая стратегия определенно противоречила интересам утверждения национального суверенитета. Только экономическая платформа федералистской партии отвеча-

⁷⁶ Circular Letters of Congressmen to their Constituents, vol. 2, p. 768—769, 824, 929, 962.

ла требованиям капиталистического прогресса и обеспечивала его условия.

Принципы федералистов претерпели существенную модификацию на протяжении четвертьвековой активной политической деятельности партии. Их эволюция впервые в истории двухпартийной системы США показала, что прагматизм — основополагающая отличительная черта партийной идеологии. После 1801 г., будучи в оппозиции, федералисты обратились к обновлению идейных штандартов, рассчитанному на более эффективное сопротивление удачливым соперникам.

Уход федералистов с политической арены ознаменовал завершение первого этапа в становлении партийной системы США. В течение 25-летнего острого соперничества республиканцев и федералистов обнаружилась полная безнадежность «отцов-основателей» на «беспартийное» развитие США: в стране оформился механизм взаимодействия правящей партии и ее соперницы, выступавшей в качестве легальной оппозиции. Обозначились принципы и направленность преемственности в функционировании партийной системы и возможности и диапазон расхождений между ними.

Само возникновение партийной системы республиканцы — федералисты означало закрепление и развитие буржуазно-демократических принципов Американской революции XVIII в., однако федералистской партии эти принципы оказались «не по плечу» и она должна была уступить место другой политической группировке, способной в большей степени уловить требования эпохи буржуазно-демократических преобразований, продолжавшейся в США вплоть до гражданской войны.